

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В.М. ЛЯШУК (*Банска Быстрица, Словакия*),
К.Г. ЛЯШУК (*Трнава, Словакия*)

УДК 821.161.3-31(Гируцкий А. А.)
ББК Ш33(4Бел)63-8,444

«ОТКРОВЕНИЕ» И «АРМАГЕДДОН» АНАТОЛИЯ ГИРУЦКОГО: ЖАНРЫ ПОВЕСТИ И РОМАНА В КООРДИНАТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, НАУЧНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСОВ

Аннотация. В статье интерпретируются инновативные особенности традиционных жанров повести и романа как новые типы текстов – религиозная проза. Их содержательный синтез божественных и космических образов эксплицирован в религиозном впечатлении главного героя, который носит имя автора произведений – Анатолий. Духовное и физическое его преображение в война, вступающего в битву со злом и тьмой, передается в анализированных художественных текстах посредством специфических деталей, которые известны в религиозном дискурсе как разные типы откровения. Автор произведений лингвист проф. А. Гируцкий в своей научной деятельности разрабатывает и моделирует проблематику библейского Слова. Эти лингвистические исследования и художественное творчество на основе библейских текстов образуют цельную и разноаспектную концепцию, в которую включается человек как активный деятель. Ему, а затем и читателю надо решить дилемму – выбрать между светом и тьмой. Поэтому финал обоих произведений открыт.

Ключевые слова: религиозная проза, диалогический дискурс, религиозный дискурс, междисциплинарность, интертекстуальность, психологизм, литературные герои, литературное творчество, литературные жанры, художественный дискурс, научный дискурс.

Повесть Анатолия Гируцкого «Откровение» как самостоятельное произведение вышла в 2005 году. В 2014 г. она была издана в качестве структурной части романа «Армагеддон», органично вошедшей в его архитектуру и идейно, и композиционно, и художественно, сохранив в то же время самостоятельность. Прием в литературе не новый (вспомним хотя бы «Повесть о капитане Копейкине» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»), хотя и не слишком распространенный. По своим жанровым особенностям и повесть, и роман названного современного автора приобретают особые характеристики, соответствующие понятию *религиозная проза* как новый этап развития и синтеза художественного, научного и религиозного дискурсов. Предшествовала ему широко распространенная в русской устной и письменной культуре и глубоко укорененная в художественное сознание *религиозная поэзия*. И в целом «поэзия в России во все времена осмысливалась, как правило, с точки зрения насыщающих её духовных ценностей. Поэтому неудивительно, что христианство составляло важнейший принцип художественного творчества» [Граудина, Кочеткова 2010: 27]. Современные процитированные исследовательницы отмечают существование на протяжении всего XIX века особого жанра, широко распространенного – *жанра библейской религиозной лирики* [Граудина, Кочеткова 2010: 28]. Прозаическая форма изложения А. Гируцкого отражает укрупнение проблематики в диалоге человека и Бога до степени глобальности, при которой художественный дискурс включается в число концептуально существенных дискурсов – религиозного и научного, образуя с ними новую форму масштабного отражения мира и его интерпретации. В таком случае творческая, языковая, верующая, исследовательская ипостаси личности образуют такой синтез, который определяет взаимодействие перечисленных концептуальных дискурсов и его диалогизм: «Из коммуникативного (дискурсивного) пространства закономерно выделяется говорящий субъект как участник коммуникации и в этом смысле – активный деятель или пассивный потребитель» [Ляшук 2013: 28].

Отличительной чертой повести выступает её психологизм: сюжет движется не столько внешними событиями, сколько переживаниями главного героя – духовными, религиозными, интеллектуальными, эмоциональными. Главный герой «Откровения» – Анатолий, он же Звездный Странник – проходит через драматические коллизии, вызванные его встречей с Богом. Неожиданностью для главного героя оказывается то, что он послан на Землю со специальной миссией, которая вначале остается для него тайной, и в которую он

отказывается верить. И лишь по мере осознания им, что такая миссия действительно существует, что он не просто Анатолий, но Звездный Странник, посланник Бога, ему открывается суть предназначения: прославить Имя Бога, передав людям полученное им в откровении от Бога новое знание об устройстве мира, и предупредить их о начинающейся космической битве Света и Тьмы – Армагеддоне.

Уже при прочтении первых страниц повести возникает ощущение: что это – просто художественное произведение или реальный факт откровения, описанный в художественной форме?

Исследователь художественного творчества А. Гируцкого В. И. Самусенко отмечал, что Анатолий, герой «Армагеддона» и «Откровения», во многом “альтер эго” самого автора. В своем герое автор представляет «особый тип личности – человека, не только живущего преимущественно глубинной внутренней жизнью, но и проецирующего свои внутренние выводы на внешний мир, на порожденные откровениями души и чувством высшей ответственности поступки» [Самусенко 2008: 55].

Завязка сюжета «Откровения» масштабна, в нее вовлечен Бог, концентрация его гнева огромна, она отражается и на состоянии природы, и на состоянии главного героя, который неожиданно для себя узнает, что он не выполнил возложенную на него миссию. В завязке спрессовано содержание повести, сжата её внутренняя пружина, которая начинает постепенно распрямляться по мере развития сюжета. Приведем большую цитату, ввиду её важности для понимания содержания повести: *«Солнце еще светило, но уже затягивалось передовыми облаками, плывущими навстречу Анатолию, за которыми от края до края горизонта надвигалась на холм черная зловеющая туча. Когда Анатолий взошел на холм, края тучи уже накрывали его. <...>*

И пока Анатолий размышлял, что же ему делать, огромная молния расколола небо. Почти сразу же раздался оглушающий грохот грома. Вслед ему услышал Анатолий страшный по концентрации в нем гнева голос.

– Я зачем послал тебя на Землю?! – вопрошал он.

Анатолий не успел даже удивиться, хотя было чему, как какая-то внутренняя сила бросила его на колени в грязь, в образовавшиеся лужи. Рыдая, он повторял: “Господи, прости! Господи, прости!” Он сам не понимал, почему плачет и за что просит прощения. То ли за то, что не выполнил поручения пославшего его на Землю, хотя до сих

пор он даже и не подозревал, что послан кем-то специально на Землю, то ли за свои собственные грехи. <...>

Казалось, все происходящее спрессовано в мгновение, вопросы Небесного Суда, немые и слышимые, следовали один за другим. Гнев его внезапно стал распространяться на все человечество:

- Вы зачем распяли Сына Моего?!*
- Я разнесу вашу Землю в щепки!*
- Я вам устрою вторую Атлантиду! – бушевал Небесный Судья.*

Одновременно небо сотрясилось от разрывов молний и грохота грома, дождь лил сплошной стеной. Машинально сознание Анатолия отметило: тучи висят так низко, что, встань он с колен и подпрыгни, то достанет их рукой. Никогда еще не чувствовал он себя таким одиноким, беспомощным и потерянным, вынужденным отвечать, как казалось ему, за все человечество» [Гируцкий 2005а: 14-15].

Это страшное по своей внутренней силе потрясение, испытанное главным героем повести, закончилось для него больницей в Вашингтоне. И закономерно, что «холод был в душе возвращавшегося на родину Анатолия» [Гируцкий 2005а: 26]. Закономерно потому, что он не принял этой встречи с Богом и пока не мог адекватно осмыслить ее. Видно, и Господь еще не отошел от своего гнева, но, уже возложив на героя его крест, уготовил ему тяжкую дорогу для восхождения на свою Голгофу. «Бог еще не поселился в нем», – так заканчивается первая глава повести [Гируцкий 2005а: 26].

Анатолий испытает еще одно, не менее сильное душевное потрясение, прежде чем решиться нести этот крест, восприняв все происходящее с ним как предначертанное судьбой, как волю Бога. И это потрясение будет следствием того, что он войдет в непосредственный контакт с Духом Божьим, но еще не станет его орудием. «Дух божий уже вошел в его тело», – так определяет автор случившееся с главным героем при второй встрече с Духом Божьим [Гируцкий 2005а: 37].

Казалось бы, хватит потрясений (читатель и сам потрясен – неужели Господь будет и далее жесток?), ведь герою уже открылась суть предначертания, он принял его как Божью волю, но нет. Миссия так масштабна, что для её выполнения нужны иные силы, которых у Анатолия пока нет. Надо не только расширить и просветлить сознание и мышление, но и подготовить для этого физическое тело, которое находится в плачевном состоянии после пережитых потрясений. Но, как справедливо отмечал художественный персонаж Э. Пуаро в кино-

версии, «в этом мире нет ничего настолько испорченного, что не могла бы исправить рука Всевышнего» [Poillot 2008: 16].

В данном случае нужно исправить тело, чтобы стать орудием Духа. И вот еще одно потрясение для героя, связанное с физическими преобразованиями в его теле, которое автор повести квалифицирует так: «*Дух божий расширял себе пространство в Анатолии, захватывая ключевые позиции в теле*» [Гируцкий 2005а: 44].

Главный герой проходит и через это потрясение, уже не сомневаясь в своем предназначении и не сходя с предначертанного пути. Дальше он живет «*в огромном напряжении духа, разума и тела. Господь видел это, и Дух божий неуклонно вел его к неведомой еще Анатолию цели*» [Гируцкий 2005а: 46].

В летний отпуск, живя на даче, он достигает возвышенного состояния духа и впервые ощущает свое превращение из просто человека в небесного воина, призванного выполнить волю Господа. Герой переходит на новый уровень существования: он разговаривает с Богами, узнавая от них свой новый статус, который дает ему возможность даже поддерживать невидимых небесных соратников перед предстоящим испытанием: «*Не бойтесь, я Дух Истины, патриций духа, – несколько горделиво успокоил в ответ Анатолий, направляясь к дому*» [Гируцкий 2005а: 50]. И кажется ему, что все можно преодолеть, выиграть любую битву, что за его спиной и миссией сам Господь, но здесь он получает еще один урок, правда, уже без больничной койки. Опустим события, предшествующие этому уроку, хотя они и примечательны. По сути, это продолжение религиозного переживания, связанного в данном случае с необходимостью преобразить тело для восприятия им без потрясений высокой энергии Духа.

Суть же урока заключалась в том, чтобы показать Анатолию, что он еще достаточно слаб, а ему противостоят могущественные противники, и нужно быть осторожным. И хотя урок давал Дух Божий, Анатолий испытал огорчение, поняв, что битву с невидимым и неизвестным ему противником (которого он определяет как импульс) проиграл. Примечательно описание поединка с импульсом, происходящего без малейшего помрачения рассудка героя, в момент прозаического бытового занятия – он готовит на веранде огурцы к засолке: «*Анатолий поставил ведра на скамейку на веранде и тут же, на веранде, стал солить огурцы. Помыл огурцы, приготовил специи, стал раскладывать то и другое в трехлитровые банки. В одно из мгновений хорошо ощутимый импульс возник в его теле. Сначала он двинулся медленно, а потом с бешеной скоростью стал носиться в нем. Все мышцы тела*

Анатолия вынужденно сокращались вслед движениям импульса. Со стороны это напоминало то ли брэйк данс, то ли Виттову пляску. Через несколько минут импульс стих.

– Однако! не началась ли битва? – только и успел подумать Анатолий, как смертельная пляска началась с новой силой. <...>

Стоны сотрясали тело Анатолия, их вызывало бешеное движение импульса по грудной клетке. Он уже не мог больше оставаться на веранде, не хватало воздуха, выбежал на двор, вглубь, подальше от улицы. <...>

Тут же оживился импульс.

– А ну-ка, где тут черти? – объявил он веселым голосом.

Он оббежал туловище Анатолия по контуру корпуса от левой стороны горла к правой, не пересекая горла, отправился обратно, вниз, и занял точку в низу живота.

Ну, вот, теперь все стало на свои места, – также весело заявил он.

И хотя, казалось, Анатолий привык уже ко всему, изумлению его не было предела» [Гируцкий 2005а: 51-52].

Всё заканчивается хорошо, герой, хотя и проигрывает эту битву, но приходит лишь в изумление от того, что вытворял импульс в его теле. Он еще не знает, что если «*все стало на свои места*», то битва, которую он должен выиграть, не за горами.

Всё это было подготовкой главного героя к предстоящей битве, время и место которой он не знал. Он выиграет эту битву, пройдя через испытания прозой жизни, от которой его никто не освободил, и опять неожиданно для себя открыв, что самое тяжкое в его кресте – это не донести его до определенной цели, а нести, несмотря на его тяжесть, всю оставшуюся жизнь.

Такова основная духовная канва повести, тесно вплетенная в обыденную, обычную жизнь людей. Здесь нет заоблачных высот, все события совершаются на Земле, хотя и имеют метафизический смысл, понятный, впрочем, только главному герою. Все остальные персонажи видят только внешнюю сторону событий, иногда ужасную, связанную с состоянием и поведением главного героя, что усиливает реальность его метафизических переживаний для читателя.

Поразительны по художественной силе, глубине, драматизму сцены происходящего, описания физического и психического состояния героя в так называемом религиозном переживании при встрече с Духом Божьим. Различные формы откровения и других религиозных переживаний достаточно подробно описаны в научной и религиозной

литературе¹, однако в описаниях автора ощущается искренность и точность таких деталей, которые могут быть известны только тому, кто сам испытал эти переживания. Обильное цитирование отдельных мест текста повести понадобилось нам именно с этой целью.

Трансцендентные переживания главного героя имеют в «Откровении» и свои особенности, отличные от религиозных переживаний, описанных в литературе. Во-первых, это их продолжительность – они длятся более двух лет, проявляясь в различных формах. Во-вторых, их масштабность и глубина – они охватывают космос, Бога и дьявола, сознание, мышление, психику и физиологию главного героя.

Все это и создает ощущение того, что перед нами не просто талантливый образец психологического фэнтези, стилизованный под откровение, но реальный факт откровения, впечатляюще описанный в художественной форме.

Художественную силу повести прочувствованно передает один из её первых читателей – главный редактор журнала «Немига литературная», в котором повесть дебютировала, А. Аврутин. Свою встречу с ней он характеризует так: «Честно говоря, когда профессор Гируцкий предложил редакции журнала «Немига литературная» свою первую повесть «Откровение», я несколько месяцев только изредка поглядывал на рукопись, ничего хорошего от прочтения не ожидая. Но когда, наконец, развернул папку, ничего иного, вопреки давней редакторской манере читать сразу несколько произведений, в руки уже не брал» [Аврутин 2005: 149].

Кажется, что в «Откровении» А. Гируцкого в полной мере проявился творческий принцип очевидности русского религиозного мыслителя И. А. Ильина, для которого очевидность – это особый опыт, полученный посредством соответствующего духовного впечатления и познавательного процесса. Очевидность – это начало духа, которое обнаруживает себя в природе, в человеке и его культуре. Испытать и познать сущность духа можно только, если самому стать орудием духа. Только подняв собственное постижение жизни на высочайший уровень духовности, можно рассуждать о ней. По И. А. Ильину, рассуждения о духе, свободе, любви, добре и зле и пр. невозможны без личного переживания этих феноменов, без эмоционального испытания

¹ См. например: [Томпсон 2001]. Художественное отражение столкновения религиозного переживания с атеистическим рассудком хорошо проанализировано в статье: [Гируцкий 2016б: 78-90].

их в индивидуальном опыте, может быть, опасном и даже мучительном [Ильин 1993: 12-14].

Этот «опасный и мучительный» индивидуальный опыт автор реализует не только в художественном тексте, но и в своих научных трудах. Как ученый А. Гируцкий развертывает зачин Евангелия от Иоанна «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» в масштабную научную теорию, реализуя полученное в собственном Откровении предназначение – прославить Имя Бога [Гируцкий 1996; 2005б; 2008; 2013; 2016а; 2017; Гируцкий, Новрузов 2013]. И это оказывается таким же неожиданным и невероятным для научного мира, как для героя «Откровения» то, что он специально послан кем-то на Землю. И это уже не просто художественная фантазия, а научная реальность. Налицо родственная связь библейского текста, текста повести «Откровения» и научной теории по существу, поскольку Слово Иоанна Богослова в научной теории А. Гируцкого выступает как основа мира, а в повести – как суть предназначения: назвать людям это Слово. И, пожалуй, более всего родственная связь текстов проявляется в этом, в развитии тезиса Иоанна Богослова, в его новом прочтении, которое может позволить себе только источник, давший это новое прочтение. У Анатолия Гируцкого, в отличие от Иоанна Богослова, и в повести, и в научных работах это не просто абстрактное Слово, а Имя Создателя.

Одной из главных тем повести выступает битва между дьяволом и Богом. Известное изречение Ф.М. Достоевского из «Братьев Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Достоевский 2011: 179] как нельзя более точно характеризует особенность повести. Здесь эта битва представлена таким образом, что не знающая Бога, опутанная тьмой, дьявольскими сетями душа главного героя разрывает их. Такое развитие сюжета закладывается уже в самом начале повести. Но Анатолию надо пройти тяжкий путь освобождения, чтобы расширить возникшее новое светлое пространство в своей душе. Соппротивление тьмы и состояние героя на этом пути ярко характеризуют несколько цитат: «Тьма захватывала отвоеванное светом пространство» [Гируцкий 2005а: 31]; «Вышел Анатолий из больницы в первых числах января, сразу после нерадостно начавшегося для него нового года. Погода была в полном смысле слова мерзкой. Это была и не зима, и не весна, и не осень, а что-то неопределенное. Под стать погоде была атмосфера в доме – уныние царило в нем» [Гируцкий 2005а: 44] и т.д.

Как отмечает В. И. Самусенко, «постепенно герой, выходя из оков социально-бытовой предопределенности существования, осознает себя значимой частью в борьбе вечных сил Добра и Зла. В этом плане писатель представляет человеческую душу как арену Последней битвы» [Самусенко 2008: 56]. Душа главного героя выходит на такие просторы Света, когда её собственная битва с дьяволом может сотрясать не только планету, но и космическое пространство: *«Долго еще голубая планета сотрясалась от последствий этой битвы. Проносились по ней страшные смерчи и ураганы, невиданной силы наводнения затопливали целые страны, падали на колени сильные государства, гибли в чудовищных катастрофах люди... Звездный Странник уже развернул боевую матрицу в полную мощь и видел, что пределом её досягаемости была вся Вселенная»* [Гируцкий 2005а: 64]. Эта огромная внутренняя сила, обретенная главным героем, ярко отражается в его скупом диалоге со своими невидимыми соратниками в финале битвы:

– *Как наши зеркала?* – сурово спросил Звездный Странник невидимых соратников.

– *Сто–ят!* – протяжно и радостно ответили ему.

– *А их?*

– *Вдребезги!* – кратким был ответ [Гируцкий 2005а: 64].

И опять возникает ощущение генетической связи текста повести с библейским текстом, но теперь уже с Откровением Иоанна Богослова, по-иному именуемого Апокалипсисом, и развертывания текста Апокалипсиса в еще скупых, метафорических описаниях реальных земных катастроф, происходящих в новое время.

Собственно говоря, в повести битва главного героя с тьмой превосходит борьбу индивидуальной души с дьяволом, поскольку герой является Звездным Странником, посланником Бога, и с его битвы в повести начинается Армагеддон – последняя битва Света и тьмы. Но это не отменяет, а напротив, усиливает значимость участия каждой индивидуальной души в битве на той или иной стороне. Это не потому, что Господь не способен в одиночку победить дьявола, но в душу просвещенного читателя, поверившего в реальность происходящего, может закрасться сомнение: но кто же тогда мы? пособники дьявола или сторонники Бога? Может, и нам вслед за Звездным Странником стоит *одеться в виссон белый и чистый* и принять участие в этой битве, выступив на стороне Бога? Но как? И что для этого нужно сделать практически? Автор повести по этому поводу не дает никаких советов. Его личную жизненную позицию ярче всего, пожалуй, демонстрирует финальная фраза из рассказа «Альбигой-

ская ересь»: *«В битве света и тьмы он [человек] сам выбирает, что творить на Земле – добро или зло»* [Гируцкий 2005а: 137].

В. И. Самусенко отмечал, что А. Гируцкий в своем творчестве «поборник личностного стоицизма, сохранения самоуважения человека, чувствующего, что никто и ничто, кроме него самого, не поможет в противостоянии давлению внешних, бессердечно-бездушных, порой наделенных неостановимой мощью сил. Здесь угадываются идеи печально-несгибаемого экзистенциализма: вспомним творчество Сартра, Камю, Василя Быкова» [Самусенко 2008: 55].

Финал повести осторожно-оптимистичен. В «Откровении» победа остается за Светом и людьми, хотя, как следует из скупого описания, и не без масштабного урона. Звездный Странник уходит, а на обочинах дороги ржавеет железо: брошенные автомобили, военная техника: *«Изредка на обочинах ему встречались люди. Какая-то пара, робко улыбаясь, протягивала к нему, держа вдвоем на руках, младенца. Звездный Странник приветливо улыбнулся им и помахал рукой.*

– Вот и все, – думал он. – Кончилась железная эпоха, проклятая Кали-юга. Мне пора уходить.

Внезапно он наткнулся на какую-то невидимую преграду, не раздумывая, шагнул вперед, сверкнула яркая вспышка, и Звездный Странник исчез» [Гируцкий 2005а: 64].

Но уже в романе «Армагеддон» финал более тяжелый – людей в нем нет. Там есть только обезображенная земля, сияющий над ней лучезарный Гелиос, и расширяющийся сияющий горизонт – свет Творца-Вседержителя [Гируцкий 2014: 170].

Безусловно, возможны и другие интерпретации текста повести и включающего её романа, как и любого другого художественного произведения. Но вряд ли думающему читателю удастся уйти от осмысления главного вопроса – реальности откровения, описанного в повести, и места каждого из нас в борьбе Света и тьмы.

ЛИТЕРАТУРА

Аврутин А. «Откровения» Анатолия Гируцкого // Гируцкий А. Откровение: повесть, рассказы, отрывки из романа. – Минск: «Технопринт», 2005. С. 149-150.

Гируцкий А.А. Армагеддон. – Минск: Харвест, 2014. 320 с.

Гируцкий А.А. «Единая теория» и возможности её практического применения // Известия Национальной академии наук Беларуси, серия гуманитарных наук. 2013а. № 3. – Минск: «Беларуская навука». С. 17-21.

Гируцкий А.А. Имя и реальность в истории культуры и науки и в современном языкознании // Slavica Slovaca, 2016a. Вып. 51, № 1. С. 33-43.

Гируцкий А.А., Новрузов, Р.М. Наука и религия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013б. 416 с.

Гируцкий А.А. Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов вузов. – Минск: ТетраСистемс, 4-е изд. перераб. и доп., 2008. 320 с.

Гируцкий А.А. Общее языкознание: Учебник для студентов филологических вузов. – Минск : «Вышэйшая школа», 2017. 238 с.

Гируцкий А.А. Особенности коммуникативной организации дискурса в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // XLinguae. European Scientific Language Journal, 2016 б. Vol. 8. № 4. P. 78-90.

Гируцкий А.А. Откровение: повесть, рассказы, отрывки из романа. Минск : «Технопринт», 2005 а. 152 с.

Гируцкий А.А. Структура слова: монография / Предисловие В.Ф. Мартынова. – Минск: БГПУ, 2005б. 251 с.

Гируцкий А. А. Тайна имени / Вступ. ст. В.Ф. Мартынова. – Минск: Тэхналогія, 1996. 128 с.

Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русское слово в лирике XIX века. 1840-1900: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 600 с.

Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы: роман в четырех частях с эпилогом. Ч. 1-2 . М.: Белый город, 2011. 544 с.

Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. Т. I-II. М.: ТОО «Рарогъ», 1993. 448 с.

Ляшук В.М. Лингвистический и эстетический дискурс: общие и отличительные особенности // Aktuálne otázky teórie diskurzu / Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove. – Prešov: FF PU, 2013. С. 26-39.

Самусенко В.И. Камо грядеши, человек? (О художественном творчестве Анатолия Гируцкого) // Русский язык и литература. 2008. № 10. С. 53-56.

Смирнов И. Жизненный и творческий путь И.А. Ильина // *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта: исследование. Т. I-II. – М. : ТОО «Рарогъ», 1993. С. 3-33.

Томпсон М. Философия религии. – М.: Фаир-Пресс, 2001. 384 с.

Poirot: Сериал. (Великобритания, 2008 г.). 11 сезон, 4 серия: «Свидание со смертью». URL: <http://cinematext.ru/movie/puaro-poirot-2008-serial/11/4/?page=16> (дата обращения: 25.04.2017)